

Культура

Программа выживания от Владимира Дашкевича

Екатерина КРЕТОВА

Композитор Владимир Дашкевич отмечает 70-летний юбилей. Его биография сродни биографиям композиторов позапрошлого века, владевших профессиями более земными, чем общение с гармонией мира. За плечами Дашкевича, лишь в 17 лет освоившего фортепьяно, осталась должность инженера на заводе. А вместе с ней и своеобразное отношение к академической музыке — как к языку общения с людьми. В портфеле Дашкевича немало серьезных произведений, большинство из которых, увы, так и не вышли за рамки портфеля. Зато его музыку к фильмам — их около 130 — зрители слушают довольно часто. И поэтому логично, что свой юбилей Владимир Сергеевич отмечает в Доме кино.

— Люди, подойдя к 70-летнему рубежу, нередко испытывают депрессию. О вас этого никак не скажешь. От чего это зависит?

— Если бы кто-нибудь мне сказал: «Старик, ты впадай в депрессию, а я все буду за тебя делать», я бы впал. Но никто не предлагает. Я по натуре очень люблю лениться. И считаю, что человек растет и совершенствуется именно тогда, когда он ничего не делает и ковыряет пальцем в носу. Я этого почти не успеваю, к большому моему сожалению.

— Известно, что вы великолепный шахматист. Во что-нибудь еще любите играть?

— Еще до того, как я занялся музыкой, мои друзья, нуждавшиеся в партнере для преферанса, причем таком, который бы не выигрывал, научили меня этой игре. Я ее возненавидел: в карты мне не везло. Но я люблю другие игры. Прежде всего — музыку. Ведь музыка — это игра. А хорошая музыка — хорошая игра. Когда ты перестаешь играть и начинаешь учить, люди скучнеют, благодарят и стараются больше с тобой не встречаться.

— А что, по вашему мнению, в вас главное?

— Я никогда не знаю, что со мной произойдет в следующий момент. Именно поэтому я все время планирую свою жизнь. Но внезапно могу оставить сочинение, над которым работаю по плану, и броситься писать книгу. Я написал брошюру «Рейтингономика». Я придумал систему, которая в авторском агентстве зафиксирована как изобретение. Это система оценки работы чиновника. Внедрение этой системы могло бы обеспечить реальную демократию, когда налогоплательщик имеет возможность потребовать с чиновника выполнения его обязанности.

— И вы искренне верите, что это кому-нибудь нужно?

— Если не нужно, то встает вопрос: на черта я плачу налоги, если я пишу, как я считаю, для своего государства ценную музыку, а оно не находит средств, чтобы эту музыку исполнять?

— Считаете ли вы, что у композитора есть особое предназначение?

— У композитора есть определенные преимущества перед други-

ми людьми: он живет в сфере подсознания. Русский человек вообще не находится в сфере сознания. Русский больше других должен себя контролировать. Для этого ему нужно соответствующее искусство, но не типа «В жизни раз бывает 18 лет» или «Зачем вы, девочки, красивых любите», передачи «Аншлаг» и приготовления пищи на всех телеканалах.

Что сделал Ленин, придя к власти? Он сразу заблокировал старые культурные архетипы. А Сталин стал создавать новые. Наша нынешняя власть оказалась глупой и не дала творческой интеллигенции создать новые архетипы. Когда-то мой друг Булат Шалвович мечтал, как будет сидеть в кабинетах и вместе с такими же, как он, поэтами решать судьбы русской культуры. Очень быстро стало понятно, что ничего подобного не случится.

— Мне кажется, вы слишком политизированы...

— Не было в истории серьезных композиторов, которые не были бы политизированы. Страшно политизирован был Бах, который был ярким протестантом и сражался за свои убеждения. Политизирован был, как известно, Бетховен. «Свадьба Фигаро» Моцарта была одним из самых революционных спектаклей. Вообще я считаю, что Моцарт — автор «Марсельезы». Ружье де Лилло осталось только чуть кое-что изменить и добавить слова к арии Фигаро, обращенной Керубино. А как был политизирован Шопен! Не говоря уже о Шостаковиче, в каждой ноте которого сквозит оппозиция власти.

Чем дальше музыка от быта, тем в ней меньше лирики. Именно поэтому, на мой взгляд, сегодня написать хорошую песню невозможно: слишком серьезные проблемы, и с помощью песни их не решишь.

— А с помощью высокого искусства?

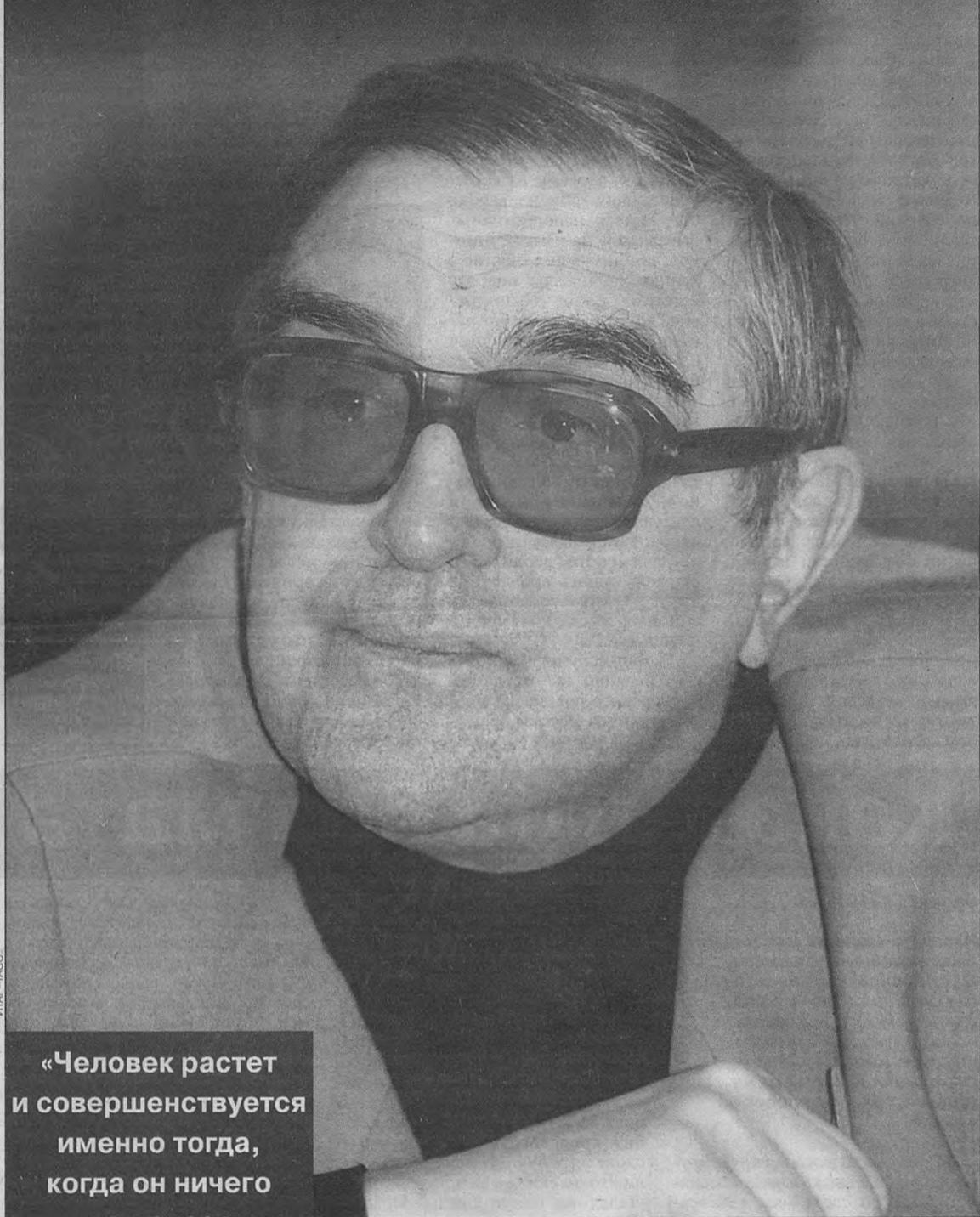
— Музыка — не искусство. Это глубокое заблуждение. Музыка — это язык. Человек научился разговаривать недавно. До того он рычал, урчал. Люди понимали друг друга по интонации — кто добрый, а кто агрессивен и опасен. И нужно было лишь запомнить этот язык и зафиксировать его. Так и появилась музыка, в основе которой — интонация.

— За время своего существования музыкальный язык претерпел значительные изменения.

— В XX веке он был попросту уничтожен. Мы сто лет верили, что авангард создаст новый. Но этого не произошло. Есть обязательное качество в информативном потоке — без него язык не может считаться языком: запоминаемость высказывания. В данном случае — музыкального. Из всей авангардной музыки я могу запомнить только пьесу Кейджа «4.33». Хотя у меня очень хорошая музыкальная память.

— Как вам с вашей стилистикой жилище в условиях расцвета советского авангарда?

— Моими первыми учителями были крутейшие авангардисты: ученик Берга, издатель его первого собрания сочинений Филипп Моисеевич Гершкович. Это был венский еврей, который бежал к нам от немцев. Слава Богу, что добежал и

«Человек растет и совершенствуется именно тогда, когда он ничего не делает и ковыряет пальцем в носу...»

попался мне. Лучшего музыканта я не встречал. Позже у него занимались все наши авангардисты — Шнитке, Губайдулина, Денисов. Непосредственным моим педагогом по композиции был Николай Каретников — тоже мощный авангардист. Естественно, я стал заниматься именно этим. Написал додекафонные Вариации для скрипки, виолончельный концерт и многое другое. Потом, когда я уже получил образование, закончив у Хачатуряна Гнесинский институт, авангардно-конструктивное и эмоционально-выразительное начала стали во мне бороться. Не думаю, что какое-то полностью победило.

— Но вы же не отрицаете всего, что было создано в XX веке? — Нет, конечно. Это сравнимо с

картиной Дали «Часы», где мы видим вполне реальные часы, а затем то, как они превращаются в бесформенную массу. Но если мы не увидим изначально эти часы, то бесформенная масса будет лишена для нас смысла. Именно это произошло с авангардом. Серьезная музыка превратилась в искусство, лишенное языка. Сразу же возникла попса — обратное явление: язык, лишенный искусства. Мы ругаем попу, но именно мы ее и создали. «Вы больше на этом огороде не работаете? Мы засеем его сорняками». И получились две нежизнеспособных ветви. При этом одна зарабатывает хорошие деньги, потому что язык достался им. Так что XX век был крайне неудачным для музыки. Хорошая музыка в XX веке пришла только из кино и театра.

— Как вы сочиняете музыку? — Глинка был совершенно прав, когда сказал, что музыку сочиняет народ. И не надо понимать слово «народ» вульгарно. Когда мне надо

писать музыку к «Шерлоку Холмсу» или к псалму Давида, я не исследую — какая в это время была музыка. Мне это не важно. Это находится рядом со мной: нужно лишь подключиться к правильному каналу. И я сразу получаю необходимую интонацию.

— Вы весьма успешно выступаете в роли теоретика...

— Мне самому это осмысление необходимо, как ледоколу, который должен примериться, не застрянет ли он во льдах. Смысл моих поисков — восстановить язык, для того чтобы общаться с нашими современниками, которые хотят понять, что же с нами происходит. Любое музыкальное произведение — это программа выживания. Я убежден, что Моцарт в соль-минорной симфонии, которая сейчас звучит из мобильного телефона, предложил программу выживания человечества. Конечно, можно выживать и в зоне — тогда сойдет «Мурка». Но эта программа выживания неудачника.